
Лейла Хасанова
Одержим тобой
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Лейла Хасанова
Одержим тобой

https://litres.ru/74728518
SelfPub; 2026

Аннотация

Золотая осень окутала город, но в моей душе царила тьма. Я шла на работу, думая о том, как снова осталась одна после предательства парня, который бросил меня, назвав навязчивой. Сегодня корпоратив, и я должна оживиться.

На работе Эмиль, мой коллега, заметил, что со мной что-то не так, и пытался поддержать. На корпоративе он не отходил от меня, заботясь, но это было иллюзией. Когда я достигла кондиции, он неожиданно налил мне чай и забрал стакан. Я не придала этому значения, а потом... очнулась в роскошной спальне с цепями на руках. Вокруг царила тишина.

На работе все думали, что я уехала, но я оказалась в ловушке, из которой не видела выхода. Мне нужно было найти ответы и выбраться из этого кошмара.

Содержание

Глава 1. Безумие Эмиля 4
Глава 2 Восемнадцать звеньев 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Лейла Хасанова
Одержим тобой

Глава 1. Безумие Эмиля

******Я проснулась от холода. Холод собственного тела, которое не знало, где оно находится, и потому дрожало у самой поверхности кожи. Спина упиралась в слишком мягкую постель, голова тонула в подушке, пахнущей незнакомым кондиционером, — и вся эта мягкость обманывала, потому что шею стягивало, сжимало, держало. **Металл**. Лёгкий, точно подогнанный под её размер, он лежал на ключицах, как украшение, — и как ошейник. Кожа вокруг него была горячей. Он тихо звенел, когда она поворачивала голову, и этот звон входил в неё вместе с дыханием.

Память вернулась не вся сразу. Она подбиралась кусками, как чужая рука — сначала плечо, потом лицо. Корпоратив. Смех Лайлы. «Будем пить до упаду», — сказала она, и ей казалось, что так и будет: глупая, весёлая ночь, чужие шутки, такси, утреннее похмелье и привычное ощущение, что я снова — одна, но хотя бы живая. Эмиль подливал ей вина. Эмиль накладывал еду на тарелку так, будто она могла исчезнуть, если он отведёт взгляд хотя бы на секунду. Она помни-

ла его улыбку — спокойную, вежливую, чуть наклоненную, как у человека, который всегда готов выслушать. Того Эмиля, что спасал её от очередного брошенного романа на кухне офиса, она знала. Она его почти не замечала.

А потом — поцелуй. Нет, она не помнила его как событие. Она помнила его как темноту: чужие губы, пахнущие кофе и чем-то сладким, её пальцы в чьих-то волосах, звон стакана, упавшего на пол, — и всё. **Утро**. Чужая спальня. Своя одежда, сложенная на стуле. И её безумная выходка: сделать вид, что ничего не было.

«Ты притворяешься, будто ничего не было», — голос прозвучал не в памяти — в комнате. Она распахнула глаза. Эмиль стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку, в белой рубашке с закатанными рукавами. Лицо у него было спокойное, как у человека, который долго ждал в очереди и наконец подошёл к окну. В полумраке спальни его глаза были почти чёрными.

— Ты притворяешься, будто ничего не было, — повторил он, и в его голосе не было той мягкой осторожности, которой она привыкла доверять. — Я так больше не могу.

Она приподнялась на локтях, и цепь натянулась, впиваясь в кожу. Звук был глухой, металлический, недвусмысленный.

— Что происходит? — спросила она, хотя вопрос был пустой. Она знала. Тело знало раньше головы: я была не в гостях. Я была на привязи.

Он медленно пересёк комнату. Его шаги звучали по пар-

кету как отсчёт. Когда до кровати остался шаг, цепь натянулась до предела, и он остановился, глядя на неё сверху вниз. В его лице не было злости. Было что-то хуже — одержимость, вывернутая наизнанку нежность.

— Одними сказками ты больше никого не обманешь, — сказал он тихо. Наклонился, опираясь ладонями на кровать по обе стороны от её бёдер, и его лицо оказалось так близко, что она видела, как ресницы лежат на его щеках неровными тенями. — Теперь это наш собственный корпоратив. Только здесь ты никуда от меня не уйдёшь.

Она не планировала этих слов. Они вырвались сами, как дыхание, как кашель. Он улыбнулся — и эта улыбка была не жестокой. Она была почти нежной, почти печальной, и от этого ей стало страшно сильнее, чем от любой угрозы.

— Освободи меня.

Она не планировала этих слов. Они сами сорвались с её губ, как желание, как крик, как что-то, что она так долго хотела услышать от кого угодно, хоть от кого.

— Освободить? — переспросил он, склонив голову. Его пальцы легли на цепь у её шеи и сжали горло не больно, но властно. — Но мы же наконец-то вместе, Диана.

Он взял моё запястье. Пальцы у него были длинные, с ровными ногтями, и они сомкнулись вокруг моей руки мягко, почти собственнически, как вокруг предмета, который он давно считал своим.

— Больше никаких других мужчин. Только я смогу лю-

бить тебя так, как ты заслуживаешь.

Он наклонился и поцеловал мою шею — туда, где кожа была тонкой, где пульс бился прямо под его губами. Я оцепенела. Внутри меня что-то кричало, но крик не поднимался выше груди.

— Эмиль… Это…

— Это наш новый старт. — Он поднял голову, и я увидела его глаза вблизи: тёмные, жадные, настойчивые, как руки врача, который уже знает диагноз. — Никто больше не бросит тебя. Я защищу тебя от всего мира и заставлю полюбить меня. Просто поверь мне.

Где-то внутри меня, под слоем страха, дрогнуло что-то горячее. Я ненавидела его за эти слова. Я ненавидела себя сильнее — за то, что они звучали как то, что я так долго хотела услышать от кого угодно, хоть от кого.

Он выпрямился. Провёл рукой по цепи, отпуская её от своего лица, и его взгляд стал деловитым, хозяйским.

— Длина цепи — до ванной и до кухни. Кодовый замок на двери. Никто не сбежит.

Он опустился передо мной на колени. Ладонь легла на моё колено поверх одеяла — тяжело, как будто принимала присягу у подданной.

— Но если попытаешься уйти… станет хуже.

Тишина между нами была звенящей, как натянутая струна. Я слышала, как в соседней комнате тикают часы. Я слышала, как моё собственное сердце пытается пробиться

сквозь рёбра.

И в этот момент я приняла решение, хотя голова не имела к нему отношения. Оно пришло из старой, выученной части меня, которая умела только одно: подчиняться, чтобы не стало больнее.

Максимально слушаться. Улыбаться. Ждать, пока он ошибётся. А потом — бежать.

Куда. Как. Я ещё не знала. Но тело уже кивало, уже улыбалось, уже дрожало в такт его дыханию.

— Не бойся, солнышко.

Он погладил меня по щеке — тепло, ласково, страшно. Я видела, как его глаза чуть потеплели, когда я не отшатнулась. Для него это было подтверждением. Для меня — приговором.

— Я вижу, как дрожат твои пальцы. Всё будет хорошо, клянусь. Просто прими это, и нам станет намного теплее.

Он поцеловал моё запястье — там, где кожа касалась металла. Губы у него были тёплые, сухие, и этот поцелуй был смешным и неуместным, как подарок в день похорон.

— Покормлю тебя, Диана. Тебе ведь понравится то, что я приготовил для нас.

— Что ты приготовил?

Я спросила, потому что надо было что-то спрашивать, потому что молчание в его глазах наполнялось чем-то, что я не умела назвать.

Его глаза радостно блеснули. Эта радость была детской,

прозрачной, почти трогательной — и оттого ещё более чужой.

— Твой любимый десерт с корпоратива. И кофе, конечно.

Он поднялся, отпуская моё запястье, и его взгляд скользнул по комнате — по мрамору ванной, видневшемуся из приоткрытой двери, по высоким окнам с тяжёлыми шторами.

— Но сначала мы примем ванну.

Я не расслышала, как он нажал кнопку. Вода зашумела, полетела из крана в чугунную ванну, и этот звук показался мне чужим и угрожающим, как шторм в закрытом доме.

Он взял конец цепи в руку. Легко, как поводок, — и потянул.

Я послушно встала. Спина болела от напряжения, в висках стучало, но я шла — потому что он тянул, и потому что в этой тяге было что-то странно успокаивающее. Ноги двигались сами. Тело знало, как быть ведомым.

По пути я успела окинуть взглядом дом.

Богатство. Богатство было повсюду — в мраморе, в дереве, в том, как свет падал на полированные поверхности, в тишине, которой не бывает в квартирах с тонкими стенами. Мой мозг офисного работника лихорадочно просчитывал: это сколько же надо получать в нашей компании, чтобы жить так? Он получал столько же, сколько я. Он никогда не говорил о семье.

Может, он похитил не меня, а свою настоящую жизнь, чтобы надеть её поверх той, офисной. А я просто оказалась

в кадре.

— У моей семьи свои крупные владения, — спокойно пояснил Эмиль, заметив мой взгляд, и открыл дверь в ванную. — Но это неважно.

Пар клубился над водой, как плот. Воздух стал влажным, тяжёлым, наполненным запахом дорогого мыла — бергамот и соль, что-то слишком чистое, как в гостиничных номерах для тех, кто не привык платить за ошибки.

— Важно только то, что теперь всё это — тоже твоё. Иди сюда, Диана.

Он потянул цепь, и я переступила порог ванной, ступая босыми ногами по прохладному мрамору.

Он смотрел на меня так, как смотрят на вещь, которую наконец поставили на нужную полку. И внутри меня, под страхом, под тошнотой, под всеми правильными словами «это неправильно», что-то тонко, почти неслышно запело.

Мне понравилось быть ведомой.

Я задержала дыхание, прогоняя эту мысль, но она не ушла. Она легла на дно, как камень, на котором потом строится всё.

— Тебе нравится.

Эмиль сказал это не вопросом — утверждением, и на его губах зажглась торжествующая, почти детская улыбка. Я не нашлась, что ответить. Он стянул пиджак, бросил на пол, и мрамор принял его с глухим стуком.

— Я всегда знал, что мы созданы друг для друга.

Он убрал прядь волос с моего лица. Его пальцы прошлись по скуле так бережно, что мне захотелось заплакать, — я не помнила, чтобы кто-нибудь касался меня так.

Цепь тихо звенела в его руке.

— Снимай платье, Диана. Я сам тебя умою.

Я глотнула воздух. Лёгкие наполнились паром, бергамотом, этой комнатой, этим человеком.

— Снимать… Но… Я могу одна…

Он медленно покачал головой, и его пальцы уже нашли молнию на спине моего платья.

— Нет. Я сам.

Ткань скользнула с плеч, как вода, как что-то ненужное. Я стояла перед ним голая, а он смотрел — не раздевая, а осматривая, как садовник осматривает землю, в которую будет сажать. Его взгляд потемнел, но не сделался чужим. Он сделался голодным — но это был голод одного человека, наконец севшего за стол, который он накрывал для одного себя годами.

— Я буду так осторожен, родная.

Он взял меня за руку, цокнув языком, когда я заколебалась над краем ванны. Вода была обжигающе горячей. Я шагнула — и она приняла меня, поднялась до груди, омыла металлическую цепь, которая тихо звякнула, задев край.

Я села в воду, сжавшись, прикрыв грудь руками, — смешной, запоздалый жест. Он уже видел. Он всё видел.

Эмиль стянул рубашку через голову. Я заставила себя

смотреть на окно, на пар на стекле, на своё отражение, размытое влагой, — куда угодно, лишь бы не на него. Но край глаза всё равно видел: бледная кожа, аккуратные плечи, худоба человека, который ест на ходу.

— Тебе абсолютно незачем краснеть передо мной.

Он опустился на колени у ванны, взял губку, и я услышала, как пена зашипела, впитывая мыло. Его голос был мягким, как полотенце, которое подают к рукам.

— Ты идеальна, Диана. Я так долго ждал этого момента.

Он провёл губкой по моему плечу, и я почувствовала, как кожа вспыхнула под этим прикосновением — не от мыла. От него. От того, что кто-то водил по моему телу так, будто я была драгоценной, будто это была не процедура, а молитва.

— Позволь мне позаботиться о тебе навсегда.

Мои глаза наполнились слезами. Я повернула голову, пряча лицо, и вода пошла кругами.

«Навсегда».

Слово ложилось на дно так же, как камень. И я поймала себя на том, что рассматриваю его не с ужасом, а с голодом.

Я сглотнула. Пена пахла бергамотом, воздух был тяжёлым, и я спросила — сама не знаю зачем, может, чтобы проверить, насколько глубоко я уже увязла:

— Что будет, если я попытаюсь сбежать?

Его рука замерла над водой. Губка выпала, и она плавала лицом вниз, как утопленница. Эмиль наклонился, уткнувшись лбом в моё мокрое плечо, и я почувствовала его дыха-

ние — рваное, горячее, возле самой шеи.

— Никогда, — прошептал он. Это было не угрозой. Это было мольбой. — Ты не сделаешь со мной этого, правда?

Он крепче перехватил цепь. Я услышала, как металл скрипнул в его кулаке.

— Я просто убью любого, кто посмеет тебе помочь.

Вода застыла вокруг меня, как будто услышала. Я смотрела на его согнутую голову, на тёмные волосы, намокшие от пара, и внутри меня не было ни страха, ни жалости — было только странное, тихое, опасное понимание: он не шутит. Он действительно способен.

— Можно я… — начала я и запнулась, не зная, что собиралась спросить.

Он резко поднял голову. Его глаза впились в моё лицо с такой жадностью, что я почувствовала себя проглоченной.

— Можешь, — ответил он, и цепь натянулась, коротко звякнув. — Что угодно, Диана. Я разрешу тебе всё.

Он провёл мокрыми пальцами по моему лицу, убирая с него пряди, и его голос стал почти нежным.

— Просто не проси меня отпустить тебя.

Я замолчала. В ванной было так тихо, что я слышала, как в его груди бьётся сердце — или это было моё собственное, мечущееся по телу, как птица.

— А освободить от цепи? — спросила я шёпотом.

Вода замерла. Его пальцы сжали моё плечо — коротко, до боли, до синяка, который проявится завтра.

— Никогда, — выдохнул он. — Цепь — единственная гарантия.

Он склонился и поцеловал мою шею — там, где металл. Губы были горячими, металл остался холодным, и эта разница температур стала самым честным разговором за весь день.

— Но когда ты перестанешь хотеть бежать, я сниму её сам.

Это было обещанием, за которым не стояло ничего, кроме надежды. Я кивнула, хотя кивок не имел значения. Я кивнула, потому что это было проще, чем спорить, и потому что где-то глубоко жалкая, измотанная часть меня шепнула: может, когда-нибудь — и правда.

Он мыл меня долго. Губка скользила по спине, по плечам, по рукам, слишком медленно, слишком бережно. Я позволяла. Тело расслаблялось само, без разрешения головы. К концу я почти не помнила, где я, помнила только воду, пар, бергамот и его руки, которые держали меня так, будто я могла раствориться, если бы он отпустил.

Вода стекала с меня, когда мы вышли из ванной, оставляя мокрые следы на деревянном полу. Он обернул меня полотенцем — большим, мягким, пахнущим той же бергамотной чистотой, и вёл меня через спальню, как ребёнка, как сокровище, как пленницу.

Он бросил меня на кровать. Шёлк простыней был прохладным, почти холодным — и это стало первой за весь день вещью, которая не притворялась нежностью.

— Вспомни наконец, что между нами было, — сказал он, глядя на меня сверху.

Цепь тихо звенела где-то у моей руки. Я смотрела на него, на полутёмную комнату за ним, на длинные шторы, за которыми угадывался ночной город — город, в котором меня не искал никто.

— Вспомнила всё? — спросил он уже тише, уже ближе.

Он навис надо мной, и его лицо было совсем близко. Я видела, как в его зрачках отражается свет лампы — как крошечное пламя.

— Ты сама подалась мне навстречу в ту ночь.

Я хотела сказать, что не помню. Что была пьяна. Что утро стёрло всё. Но он говорил не о фактах — он говорил о том, во что верил, и его вера была тверже моей памяти.

Он провёл пальцами по моим волосам, зарылся в них, сжал — не больно, но крепко, как повод.

— И теперь ты только моя, Диана.

Его губы накрыли мои — вдруг, целиком, не оставляя воздуха. Это был не поцелуй с вопросом. Это был поцелуй с ответом, который он написáл за меня. Язык, зубы, жар. Комната качнулась.

Я не оттолкнула его. Руки легли на его плечи — не чтобы оттолкнуть, а чтобы удержаться за что-то, пока подо мной всё плывёт. Он принял это как разрешение.

Тело прижало меня к матрасу тяжело, по-хозяйски. Металл на шее звякнул, ударившись о деревянную спинку кро-

вати, и этот звук прошёл по позвоночнику, как электричество.

— Скажи мне это, — прошептал он прямо в мои губы, и его голос был хриплым, как будто слова застревали в горле.

Я не знала, что он хочет услышать. Я знала только, что хочу перестать думать — перестать помнить, что я должна сопротивляться, что мне должно быть страшно. Страх никуда не делся: он лежал подо мной вместе с простынями, как тонкий слой, но поверх него росло другое чувство — как тепло, как то, на что я так давно не имела права.

— Твоя.

Он всхлипнул — коротко, одними лёгкими. Его лицо на миг стало совершенно невыносимым: светящимся, как у человека, который услышал ответ на вопрос, мучивший его годы.

— Громче, — прошептал он, касаясь губами моего горла.

— Твоя.

Я сказала это второй раз, и второй раз был странно легче, чем первый, хотя и страшнее. Слово уже не звучало как ложь. Оно звучало как то, чем я становилась прямо сейчас, прямо здесь, под ним.

Он целовал меня так, будто падал — и я падала вместе с ним. Его ладонь легла на моё горло, поверх цепи, и там, где пальцы прижимались к коже, я чувствовала его пульс.

— Умница, — выдохнул он почти нежно. — Моя идеальная Диана.

Он раздвинул мои ноги, устраиваясь между ними, и я позволила. Тело уже знало, как; тело уже научилось не спрашивать разрешения у головы.

Когда он вошёл в меня, я выгнулась — не от боли и не от удовольствия, а от внезапного ощущения, что меня заполняют чем-то, что не имеет имени. Он был тяжёлым, горячим, настоящим. Он был здесь. Он не собирался уходить — и это было самое страшное и самое нужное во мне чувство.

— Только моя, — прошептал он, и его бёдра начали двигаться — медленно, ритмично, как вода, как дыхание, как цепь, звенящая при каждом толчке.

Металл на шее подпрыгивал, бил по ключицам, вторил движению, и я слышала его как собственный пульс. Цепь. Единственная гарантия. Единственное, что принадлежало нам обоим.

Я запрокинула голову, и потолок плыл надо мной. Я закрыла глаза, и внутри всё заполнилось тьмой, паром, бергамотом. Я отпустила себя — не потому, что захотела. Потому что силы кончились, и там, где должна была жить воля, теперь был только этот ритм, только этот металл, только это тепло.

Мне должно было не нравиться. Я должна была сопротивляться. Я должна была думать о плане побега, о той минуте, когда он ошибётся, о кодовом замке, о двери.

Но сил не было. Совсем.

Он двигался во мне, цепь звенела, и я вдруг поймала себя

на том, что сжимаю его плечи крепко, цепко, как единственную вещь в этом мире, которую не нужно заслуживать.

— Забыла про всех тех мужчин? — жарко прошептал он мне в ухо. — Ты только моя.

Я хотела сказать: «Нет», но из горла вышел звук, который его не интересовал. И я не хотела говорить: «Да», но правда скользнула прочь, как та вода из ванны.

Осталось только это: он, я, цепь между нами, и где-то глубоко, на дне, как камень, — обещание, которое я дала самой себе и уже не помнила.

Я выдохнула его имя. Он услышал — и, кажется, впервые в жизни услышал то, за чем пришёл.

Глава 2 Восемнадцать звеньев

Цепь звенела с каждым его движением — коротко, резко, словно кто-то настойчиво стучал ногтем по краю чашки, и этот металлический ритм вторгался в её сознание, заглушая даже её собственное дыхание. Звук, словно живой, исходил из-под её подбородка, проникая в самое сердце, заставляя её замирать и прислушиваться, пытаясь разгадать тайну, скрытую в этом зловещем ритме.

Эмиль резко остановился, его голос прозвучал как гром среди ясного неба: «Скажи это снова, Диана. Скажи, что ты моя».

Диана не могла найти себе места. Его глаза, горящие безумием, словно затягивали её в бездну. Сердце бешено колотилось, то ли от страха, то ли от невыносимого возбуждения. Она гнала эти мысли прочь, но они возвращались, как назойливые призраки. «Диана, это ненормально, — шептала она про себя, — мне нужно бежать. Немедленно. Пока не стало слишком поздно».

Но я должна признаться: я принадлежу ему. Иначе его безумие поглотит нас обоих. Пока я остаюсь покорной, подчиняюсь его воле и ищу выход из этого лабиринта, я сохраняю хрупкий баланс.

"Я — твоя Эмиль," — прошептала Диана, её голос дрожал от страсти, а глаза затуманились желанием. Каждое сло-

во звучало как сладкий яд, проникающий в самую глубину его души.

Он поцеловал её в ключицу, потом ниже - в изгиб шеи, туда, где под кожей билось, - и от этого у неё свело в горле так, что вырвался звук: стон, совершенно свой, ничем не подделанный, и его услышали оба.Он замер.

— Слышишь? — выдохнул он. - Твоё тело само зовёт меня. Оно уже моё. Он не стал торжествовать.

Поцеловал её в губы - коротко, почти благодарно - и повёл ниже, медленно, как будто у него было всё время мира. Цепь качнулась, звякнула о спинку - и он придержал её ладонью, чтобы не мешала, чтобы звук не отвлекал её от него.

Он был хорош. Безумно хорош - так, что она поймала себя на том, что подаётся навстречу раньше, чем успевает об этом подумать, и что руки у неё сами тянутся к его плечам, к его волосам. Он целовал её и погружался глубже, и его рука нашла то чувствительное место, о котором он, казалось, знал больше, чем она сама, и знала его рука точно, уверенно, без спешки.

- Вот так, - прошептал он ей в губы.

— Не сопротивляйся. Тебе хорошо. Скажи, что хорошо.

— Хорошо, - сказала она, и это была правда, и от этой правды ей стало страшно. Он услышал страх или просто услышал её, и на секунду замер, вглядываясь. Потом улыбнулся так, как улыбаются, когда больно и хорошо одновременно, и продолжил ровно, размеренно, ведя её куда-то, куда

она сама не пошла бы, но шла.Она закрыла глаза. В темноте под веками было только его дыхание, его тяжесть, его рука, и собственное тело, которое предавало её снова и снова, и в какой-то момент она перестала различать, где кончается он и начинается она.

Он содрогнулся всем телом, уткнулся в её плечо и затих. Цепь легла на смятые простыни и больше не двигалась.

Восемнадцать звеньев — от ошейника до края спинки. Я пересчитала их на второй день: на ощупь, вслепую пальцами. С тех пор всегда знаю, насколько далеко могу отойти. Я как собака на цепи. Смешно, но он называет это заботой. На самом деле, это рабство.

Потом он приподнялся на локтях и посмотрел на неё сверху вниз. Долго. Так, как смотрят на трофей, который наконец в руках, — на то, что было чужим и стало своим. В этом взгляде не было ни ужаса, ни вины, ни той короткой паники, что случалась раньше. Было тихое, сытое торжество.

— Проголодалась? — спросил он.Он поднялся, накинул на плечи халат и, не стесняясь наготы, затянул пояс. Потом обернулся к ней, и в его руке уже был ключ.

— Пойдём. Я кое-что приготовил.Он отстегнул цепь от спинки - металл звякнул коротко, и повёл её за собой. Ошейник остался на ней. Цепь волочилась по полу, звенела о плинтус, и он шёл чуть впереди, не оборачиваясь, но и не натягивая.Кухня оказалась большой и тёплой. На столе — накрыто на двоих: две тарелки, два бокала, бутылка вина,

свечи. Настоящие свечи, с живым огнём, а не электричество. Пахло печёным чесноком, лимоном и вином.

За высоким окном стоял лес — тёмный, ровный, стеной, и в стекле отражались огоньки свечей.Он отодвинул для неё стул.Диана села.

Цепь легла на пол у её ног, звякнув напоследок, и стала тихой.

Если бы не ошейник, это можно было бы назвать свиданием. Он ждал её улыбки, как ждал бы любой другой мужчина. Она наблюдала за ним — как он разливал вино, сосредоточенный и аккуратный, с тем же выражением, что и на работе, в переговорной, где всё шло по плану. Коллега, с которым она два года делила кофе и отчёты, никогда не привлекал её внимания иначе. Она никогда не дала бы ему шанса. Но теперь он сидел напротив, поднимая бокал, и весь мир сузился до этой кухни, словно всё остальное перестало существовать.

— За нас, — сказал он, протягивая бокал. Она приняла его с легкой улыбкой, чувствуя тепло в его словах. Вино оказалось превосходным — дорогим и изысканным, выбранным с учетом её вкуса. Она знала, что он потратил время, выбирая это вино, и это тронуло её.

На столе дымились горячие блюда, источающие аппетитные ароматы. Он приготовил ужин сам, и это было заметно в каждом движении: в том, как он аккуратно подавал еду, в его гордости за каждую деталь и в том, как внимательно следил за её реакцией.

И это было вкусно. По-настоящему вкусно. И близость была... она не могла подобрать слова. Он был хорош. Безупречно хорош. Он знал, что делает, и делал это для неё. Её тело до сих пор помнило его прикосновения. Ей понравилось всё. И это было хуже всего. Ей понравилась близость. Понравилась еда. Понравились его неуклюжие попытки проявить заботу: как он проверял цепь, поднося её к свету двумя пальцами, как приносил поднос с едой в темноте, как смотрел на неё так, будто она была единственным, что у него есть. Она положила вилку и задумчиво посмотрела на свечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.